

— В этот раз я был уверен в себе, но...

— Я ведь столько тренировался, так почему же...

— Он снова на первом месте... А ведь он даже почти не занимался.

— Папа сказал, что если ты не лучший, то все без толку... Надоело. Хочу бросить...

Все эти слова уже с очень давних пор постоянно сопровождали Масачику. Он стал отчетливо это понимать вскоре после того, как его оставили с бабушкой и дедушкой по отцовской линии.

— Ему опять дали ведущую роль? Не слишком ли учитель его любит?

— Он вроде из какого-то старого рода — наверняка у учителя просто нет выбора.

— Почему мой ребенок не прошел отбор?! Может, ошибка в подсчете баллов?

— Только посмотрите на него. Может, его уже признают гением? Ну, знаете, чтобы дать шанс и другим детям...

Жалобы тех, чьи надежды не оправдались, окружали Масачику. К нему относились как к врагу, избегали. Иронично то, что Масачика, отчаянно переживавший о своих близких, заметил это только после того, как покинул семью Суо.

«Эх, иметь талант — нечестно» — так ему когда-то сказал один из участников конкурса пианистов, который выиграл Масачика.

«Нечестно»... Может, это правда? Чтобы добиться невероятных результатов, он просто делал то, что ему говорил учитель. Не было ни мучений, ни разочарований. Не было никаких тупиков и даже падений. Масачика легко справлялся с тем, что другие не могли сделать, даже вкалывая как проклятый. С самого детства у него было больше занятий, чем у обычных детей, но в каждом из них он становился лучшим.

Масачика был быстрее всех на занятиях по плаванию, а черный пояс по карате получил раньше детей, которые ходили в додзе каждый день. На фортепианных концертах у него всегда была ведущая роль, а его работы по каллиграфии вывешивались на самое видное место. Но занимался он всем этим вовсе не из удовольствия. С самого начала в нем не было никакой страсти к этим занятиям. Масачика просто хотел оправдать ожидания дедушки, хотел, чтобы мама его похвалила, хотел, чтобы сестра не переживала. Только поэтому. Вот и все...

«А? Тогда зачем я до сих пор всем этим занимаюсь?»

Мама его больше не похвалит. И дедушку он разочаровал. А после того, что сделал в школе, разве ему есть чем успокаивать сестру? Есть ли теперь смысл в том, чтобы обесценивать старания других своими талантами?.. И он наконец понял.

— Раз в этом больше нет смысла... то не лучше ли прекратить?

Конечно, до сих пор было много тех, кто глядел на блестящую биографию Масачики и глотал слезы, тех, кто из искренней страсти к делу трудился до изнеможения.

Не понимая, чего стоят эти усилия... до сих пор он неосознанно совершал преступление.

— Все без толку...

Все, что Масачика делал до этого, не влекло его. Все было без толку...

— Масачика-чан, уже пора на плавание. — Бабушка, как обычно, вошла в комнату, чтобы позвать Масачику, но ее слова больше его не волновали.

— Я не пойду...

— Что? А... Ладно, сегодня устроим выхо...

— Я больше не буду ходить. Я бросаю. Все бросаю.

— Ясно... Если не хочешь больше ходить, то так тому и быть, — будто что-то зная, кивнула бабушка словам, равнодушно брошенным Масачикой.

Ни отрицания, ни вопросов. Только спокойное принятие. От этой бабушкиной доброты Масачике стало не по себе. Он незаметно вышел с веранды и бесцельно куда-то побрел. Дойдя до торгового квартала, он услышал какой-то шум, поднял глаза и увидел перед собой игровой центр.

«Игровой центр?..»

Он вспомнил разговоры одноклассников. Видимо, обычные младшеклассники увлекались чем-то вроде видеоигр. Но Масачика никогда раньше не играл в них, потому что Генсей, как никто другой, ратовал за их вред.

Вдруг почувствовав прилив смелости, Масачика наперекор дедушке вошел в игровой центр. На глаза ему попался шутер, в котором нужно отстреливаться от зомби. Сначала Масачика не очень разобрался в управлении, так что его сразу же убивали, но уже после четвертого раза

все стало понятно, а на седьмой он без проблем одолел финального босса. На экране отобразились результат и отметка о присвоении ему ранга В.

— О, так если сократить количество полученных ударов и потраченных снарядов, то счет увеличится?

Ему показалось, что пройти игру легко, но, похоже, здесь она только начиналась. Он выполнил все задания, но насколько он сможет улучшить свой результат? Вот что такое настоящая игра.

— Что ж, буду стремиться к идеальному прохождению.

И раз уж в очереди к автомату за Масачикой больше никого не было, он играл снова и снова, пока не остался доволен. И когда наконец достиг того результата, который показался ему идеальным... в самом верху рейтинга появилось его имя.

— И все?..

Интерес Масачики к игре быстро угас, и он перешел к автоматам с игрушками, но, снова уловив принцип игры уже спустя несколько попыток, сконцентрировался на вытягивании призов. А так как никакой конкретный приз ему самому получить не хотелось, забрав все, что можно, он просто раздал игрушки зевакам. После того как Масачика несколько дней проделывал то же самое, все игровые центры в округе выдали ему запрет на посещение.

— Ну, слухи разлетаются, да и всякие вымогатели пристают, так что, наверное, ничего не поделаешь...

Он искал оправдания, но тревожное ощущение в груди все не угасало. Неужели даже в таких местах не принимают тех, кто слишком уж хорош? И ничто не могло остановить закипавшее в его душе невыносимое чувство.

— Эх... И что мне с ним делать? — вздохнул Масачика, глядя на большого плюшевого медведя в руках.

Это был приз, который он выиграл в автомате и уже успел взять, когда хозяин заведения вежливо попросил уйти. Отдать обратно было бы обидно, так что Масачика забрал его, но... как ни посмотри, а медведь был явно девчачьим. Отдать игрушку Юки не выйдет из-за астмы, так что если кому ее и подарить, то Аяно, но... теперь, когда Масачика не был уверен, вернется ли в дом Суо, он не знал, когда они встретятся снова. И вообще, с каким лицом он должен был дарить ей медведя?

— Бабушке отдать, что ли... — пробормотал Масачика и понял, что пришел к игровой площадке.

Случайно взглянув на нее, он заметил там пятерых девочек примерно одного возраста. Сам собой, его взгляд остановился на одной из них.

«А? Ангел?..»

Такая вот ассоциация непроизвольно всплыла у него в голове. На мгновение он растерялся — вот настолько невероятно красивой была та девочка. Ослепительная и отражающая солнечные лучи белая кожа, мягкие, длинные, светлые волосы, сверкающие голубые глаза. От ее милоты и красоты захватывало дух. Но это милое лицо омрачили замешательство и грусть. Казалось, девочка отчаянно о чем-то просила.

— Так нор... мале... но?

— Эй, я вообще не понимаю, что ты говоришь...

— Говори по-японски-и-и, Мария-ча-а-ан.

Девочки вокруг смотрели на нее, пытающуюся что-то сказать на японском, и злобно посмеивались. В ответ девочка все с большим старанием подбирала слова, а четверо, по-видимому, понимая, что она хочет сказать, все равно дразнили ее: «Мы не понимаем», «Твой японский слишком плох». От такого зрелища лицо Масачики передернуло, словно у него было дежавю.

Отвратительные выражения лиц тех, кто насмеялся над девочкой, лица, полные злобы и стремящиеся унижить и посильнее задеть ту, кто лучше их, ту, кто отличается от них, — это те же лица... что и у мальчишек из класса Масачики, которые постоянно к нему цеплялись и с которыми он разбирался кулаками.

— [Ну все... Никак не могу до них донести...]

В голосе девочки, заговорившей по-русски, слышались слезы, а остальные, будто только этого и ждали, тут же завелись еще сильнее.

— Эй-эй-эй! Теперь совсем непонятно, что ты говоришь!

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, не знала? Может, иностранцы этого не знают?

— Э-э-эх, зря только тебя позвала. Ладно, давайте просто оставим Марию-чан в покое и поиграем без нее.

— Дава-ай.

Бросив эти злобные слова, девочки бросили ее и убежали. Она попыталась последовать за ними, но крепко сжала юбку и так и встала на месте.

Зрелище было настолько ужасным, что на мгновение Масачика подумал, не пнуть ли убегающих девочек по спинам изо всех сил, однако быстро подавил этот порыв жестокости и посмотрел на оставшуюся одну девочку.

Ее бледно-розовые губы сжались, она выглядела так, будто еле сдерживала слезы. При виде нее у Масачики в груди вдруг что-то сжалось. А потом он неосознанно пошел к девочке и обратился к ней на непривычном для себя русском языке:

— [Все хорошо?]

Девочка подняла взгляд с таким видом, будто ее только что ущипнули. Она широко распахнула слегка влажные глаза и пристально посмотрела на Масачику.

— [А? Ты сейчас?..]

— [Я по-русски говорить... немного?]

Он был настолько неумел в русском, что просто как-то сочетал между собой слова. Однако лицо девочки тут же просияло, все ее тело показывало радость и волнение.

— [А, ты говоришь по-русски? Ура-ура!]

— Э?

Честно признаться, точного смысла он не понял. Но, судя по подобранным словам, его похвалили. Ее глаза, сиявшие искренним восхищением... поразили Масачику в самое сердце.

— [Меня зовут Маша!]

— Э, а?..

— [Маша!]

Пока Масачика пребывал в недоумении от чувства в собственной груди, девочка уже с улыбкой ему что-то говорила. Сначала русские слова показались ему незнакомыми, но после следующего вопроса он сразу все понял.

— [Как тебя зовут?]

— А-а?.. А! Имя! А... Ма...

— [Маша!]

— Мача?

— [Ма! Ша!]

— А, Маша?

Девочка несколько раз радостно кивнула, потом показала рукой на Масачику и спросила еще раз:

— [Как тебя зовут?]

— А... Масачика. Суо Масачика.

— [Су Масачика?]

— Масачика. Ма-са-чи-ка.

— [А! Масá-а-ачика!]

— А?.. Ну... И так пойдет.

Чуть склонив голову набок, когда его имя произнесли на русский манер, Масачика неловко кивнул. Маша заулыбалась и, чуть опустив взгляд, спросила:

— [А его?]

— А?

— [Его как зовут?]

— А-а-а!

Поняв спустя мгновение, что его спрашивают об имени игрушки, Масачика покраснел. Ему стало ужасно стыдно, что похожая на ангела девочка могла принять его за мальчика, который таскает плюшевые игрушки.

— Все не... Эм, игровой центр... Была там когда-нибудь? Игровой. Центр.

Посмотрев на реакцию Маши и убедившись, что она его не поняла, Масачика вновь попытался вытянуть у себя из головы русский язык.

— [Подарок... В игре подарок. Не хочу. Забирай].

— [А? Мне отдаешь?]

— [Забирай].

Маша, которой с этими словами протянули игрушку, сначала растерялась, но потом на ее лице засияла радостная улыбка.

— [Ого, правда? Спасибо! Какой миленький!]

Когда до бесконечности счастливая Маша крепко обнимала игрушку, Масачике казалось, будто она обнимает и его тоже. Он отвернулся с полным неопишуемой неловкости и счастья лицом, когда Маша вновь спросила:

— [Так как его зовут?]

— [Никак. Нет имени].

— [Да? Хм-м-м, тогда назовем тебя Самуил Третий!]

Масачика неуверенно улыбнулся, поняв, что мишке дали абсолютно уникальное имя, хотя он и не уловил его сути. Взяв Масачику за руку, Маша указала взглядом на куполообразное сооружение на детской площадке.

— [Масá-а-ачика, пойдём поиграем?]

— А?

— [Наперегонки!]

— Ч-что? А...

Масачика побежал, утянутый Машей за руку. Девочка, которую он сначала принял за ангела, оказалась вовсе не им, а самой наивностью. Но ее слишком уж простодушная улыбка...

серьезно шокировала Масачику, который долгое время только и терпел на себе избегающие и злые взгляды. Разговаривая и играя с Машей, он чувствовал, как его усохшее и разбитое сердце потихоньку заживает. Ему хотелось говорить с ней чаще, хотелось показать ей побольше хороших мест.

С тех пор Масачика стал охотнее смотреть русские фильмы дедушки, к которым раньше у него не было никакого интереса. А еще, хоть до этого и пытался от них отказаться, Масачика стал потихоньку снова ходить на занятия. А может быть, дело было в том, что он относился к Маше как к замене матери. Возможно, он просто искал в ней те одобрение и восхищение, которые мама больше не могла ему дать.

И все же... это была любовь.

— [Что такое, Масá-а-ачика?]

— [Слушай... Это твое «Масá-а-ачика» звучит так, будто я русский. Может, хватит?]

— [Правда? Хм-м, и как тогда тебя называть?]

— [Может, если хотя бы «кун» добавишь, то будет звучать более по-японски?..]

— [Хм-м... Ну, тогда буду звать тебя Са-куном!]

— [Что? Почему только «са» осталось-то?]

В таком случае останется в этом имени что-то русское, не так ли? Маша улыбнулась и приблизила свое лицо к Масачике, который захихикал от своих же мыслей.

— [А меня?]

— А?

— [Как ты будешь меня называть?]

Как ее ни назови, а ведь «Маша» — уже уменьшительно-ласкательное. Не было нужды еще сильнее его менять... но, глядя в сверкающие надеждой глаза Маши, Масачика этого сказать не мог.

— Хм-м-м...

Первое, что пришло ему в голову, — это мысль в ответ добавить «чан» к имени. Но даже для

него, ребенка, это было бы довольно неловко...

— [Ну так что?]

— М-м-м...

Но теперь, когда эта мысль уже пришла к нему, возможность отказаться от нее как испарилась. Масачика отвел взгляд и нерешительно открыл рот:

— [Тогда...]

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/96886/4592258>